
ПУБЛИКАЦИИ

ПИСЬМО АКАДЕМИКУ Ф.Ф. ФОРТУНАТОВУ

12 марта 1904 г. в 12 часов пополудни состоялось заседание Орфографической комиссии под предс. Августейшего Президента Императорской Академии наук Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича Романова. Оно было посвящено вопросу о научности и целесообразности существующей орфографии. В заседании комиссии принимало участие 50 лиц, замечательных представителей русской науки, культуры, печати, литературы, и среди них такие выдающиеся лингвисты, как акад. Ф.Ф. Fortunatov, товарищ (= заместитель) председателя; акад. А.А. Шахматов, Ф.Е. Корш и А.И. Соболевский; проф. А.И. Бодуэн де Куртенэ и Р.Ф. Брандт. Здесь были прослушаны обе стороны – противников и сторонников упрощения на разумных основаниях русского правописания. В результате вопрос об упрощении “единогласно был решен в утвердительном смысле”, и это было продиктовано глубокой убежденностью в том, что реформа орфографии – это “благое дело” для русской культуры и просвещения.

По предложению Августейшего председателя комиссии были избраны из всего состава “сложенными записками” 7 членов и 3 кандидата в орфографическую подкомиссию, которой и предстояло разработать окончательный проект предстоящего упрощения. В состав подкомиссии вошли самые выдающиеся лингвистические силы России того времени:

академики Императорской Академии наук Ф.Ф. Fortunatov, А.А. Шахматов, А.И. Соболевский и Ф.Е. Корш;

профессоры П.Н. Сакулин, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Р.Ф. Брандт.

Кандидатами ее стали: проф. Имп. историко-филологического института С.К. Булич; приват-доцент Имп. С.-Петербургского университета Н.М. Каринский; преп. Имп. Александровского лицея Н.К. Кульман. По личному приглашению Ф.Ф. Fortunatov в работе подкомиссии принимал В.И. Чернышев, в то время преподаватель.

Желанием придать гласности все решения, связанные с обсуждением орфографического вопроса, продиктованы инициатива академиков Ф.Ф. Fortunatov и А.А. Шахматова и их непосредственное участие в опубликовании материалов с заседания Орфографической

комиссии (Правительственный вестник. 30 апр. и 1 мая 1904 г.) и “Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии” (СПб., 1904. 16 с.). (По распоряжению Попечителя Киевского Учебного округа “Предварительное сообщение Орфографической комиссии” было опубликовано в Тифлисе (Тифлис, 1904. 16 с.). Год спустя под редакцией Ф.Ф. Фортунатова был издан еще один документ – “Протокол первого заседания Комиссии по вопросу о русском правописании, состоявшегося 12 апреля 1904 г.” (СПб., 1905. 67 с.).

Результаты работы Орфографической комиссии стали известны в широких кругах российской общественности. Как сообщала газета “Новое время” (№ 10104), педагоги с редким единодушием приняли постановление о реформе, поскольку они более чем кто-либо другой понимали, что школа должна воспитывать ученика на осмыслении и продуктивном труде, а таковыми качествами не отличались обычные упражнения на орфографические правила принятого тогда правописания: “зубрение ятевого списка” становилось “педагогической оргией”.

Орфографические предложения “Предварительного сообщения”, во многом унаследовавшие положения проекта упрощения 1901 г., которые были подготовлены Орфографической комиссией при Педагогическом обществе Московского университета, были разосланы всем интересующимся судьбой вопроса об усовершенствовании русской орфографии с просьбой прислать замечания к сентябрю на имя предс. подкомиссии акад. Ф.Ф. Фортунатова. Этот шаг орфографической подкомиссии был вызван намерением получить всестороннюю оценку своей орфографической деятельности и предложенного проекта упрощения.

После первого заседания 12 апреля 1904 г. Орфографическая Подкомиссия под председательством академика Ф.Ф. Фортунатова приступила к работе над проектом упрощения. Сразу же состоялось 6 заседаний (13, 14, 16, 17, 19 и 20 апреля), а через 7 месяцев еще 4 заседания (18, 20, 21, 22 декабря), где было продолжено обсуждение проекта орфографического упрощения.

Связанные с проектом упрощения вопросы подвергались тщательному обсуждению и принимались чаще всего или большинством голосов, или единогласно. Здесь же были рассмотрены многочисленные письма и брошюры, которые явились откликом на “Предварительное сообщение Орфографической комиссии”. И среди них – письмо ученика IV класса Харьковского Земледельческого учи-

лица **Виктора Рудзенко** от 30 августа 1904 года (Петербургский филиал РАН. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 15).

Текст письма, написанный по правилам дореформенного правописания приведен (за исключением отдельных случаев) в соответствии с требованиями современной орфографической нормы.

Милостивый государь!

Еще в мае месяце в № 152ом газеты «Русь» была помещена статья “О русском правописании”. Я решил воспользоваться любезным приглашением подкомиссии, чтобы изложить доводы *pro* и *contra* некоторых новых правил русской орфографии. Об изъятии из русской алфавита *h*”, *ъ*, *ѣ* говорилось много и, кажется, мало было лиц, имевших что-нибудь против уничтожения этого лишнего балласта. За *h* можно бы заступиться, но большое количество ошибок при употреблении этой буквы делает желательным и её исключение из русского алфавита. Впрочем, нам, малороссам, правильное употребление *h* дается довольно легко даже без заучивания корней: нам помогает простое правило: “звук *e* в русском на месте *i* в малорусском в громадном большинстве случаев изображается через *h* (например: *білий* – *бһлий*, *хлібъ* – *хлһбъ*). Но для не знающих малорусского наречия употребление *h* будет большим облегчением правописания.

В статье “О русском правописании” меня очень обрадовали следующие изменения русской орфографии: 1) уничтожение буквы *i*, 2) замена *ъ* в середине слова *ь*, 3) желательное *ѣ* после мягкой согласной, 4) писать *о* под ударением и *e* не под ударением после *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц*, 5) производные от слова *рост* писать с коренной гласной (*рости*, *росту*, *ростущее* и т. д.), 6) оканчивать прилагательные всех трех родов во множественном числе на *-ые* и *-іе*, 7) писать *с* и слова: *один*, *одних*, *одними* и т. д. во всех трех родах, 8) писать *ее* вместо *ея* в родительном падеже женского рода, 9) бóльшая свобода при переносах, 10) двоякое начертание сложных наречий (*в двое* и *вдвое*), хотя не лучше ли оставить, как прежде, так как слитное начертание предлогов – характерный признак наречия при этимологическом разборе да и читать удобнее. О лишнем смягчении литературной речи такими словами как *млатший*, *тяшко*, *блиско* и т. под. нечего и говорить: едва ли оно будет красиво и благозвучно, а у малороссов это поведет к целому ряду ошибок. Здесь безусловно надо придерживаться этимологического начала, как и сделано комиссией.

Кроме того подкомиссия находит целесообразным “писать *с* з приставки *без-*, *из-*, *раз-*, *воз-*, *чрез-*, *низ-* как перед гласными и двойными согласными, так и перед глухими согласными (например: *возпріятіе*, *низпослать*, *изчезнуть* и т. д.), а там, где приставка тесно срослась с корнем, сохранить фонетическое написание (например, *восток*)”. Но как разли-

чить, где приставка тесно срослась с корнем: в слове ли *исчезнуть* или в слове *восток*? Право, лишь кажется, буквы *к, п, т, х, ч, ш, щ, ц* и *ф*, перед которыми *з* переходит в *с*, учащимся легче запомнить, чем найти более тесное сращение приставки с корнем в этих словах. Ясное правило заменяется каким-то неопределенным, туманным. Что же лучше: старое или “упрощенное” новое?..

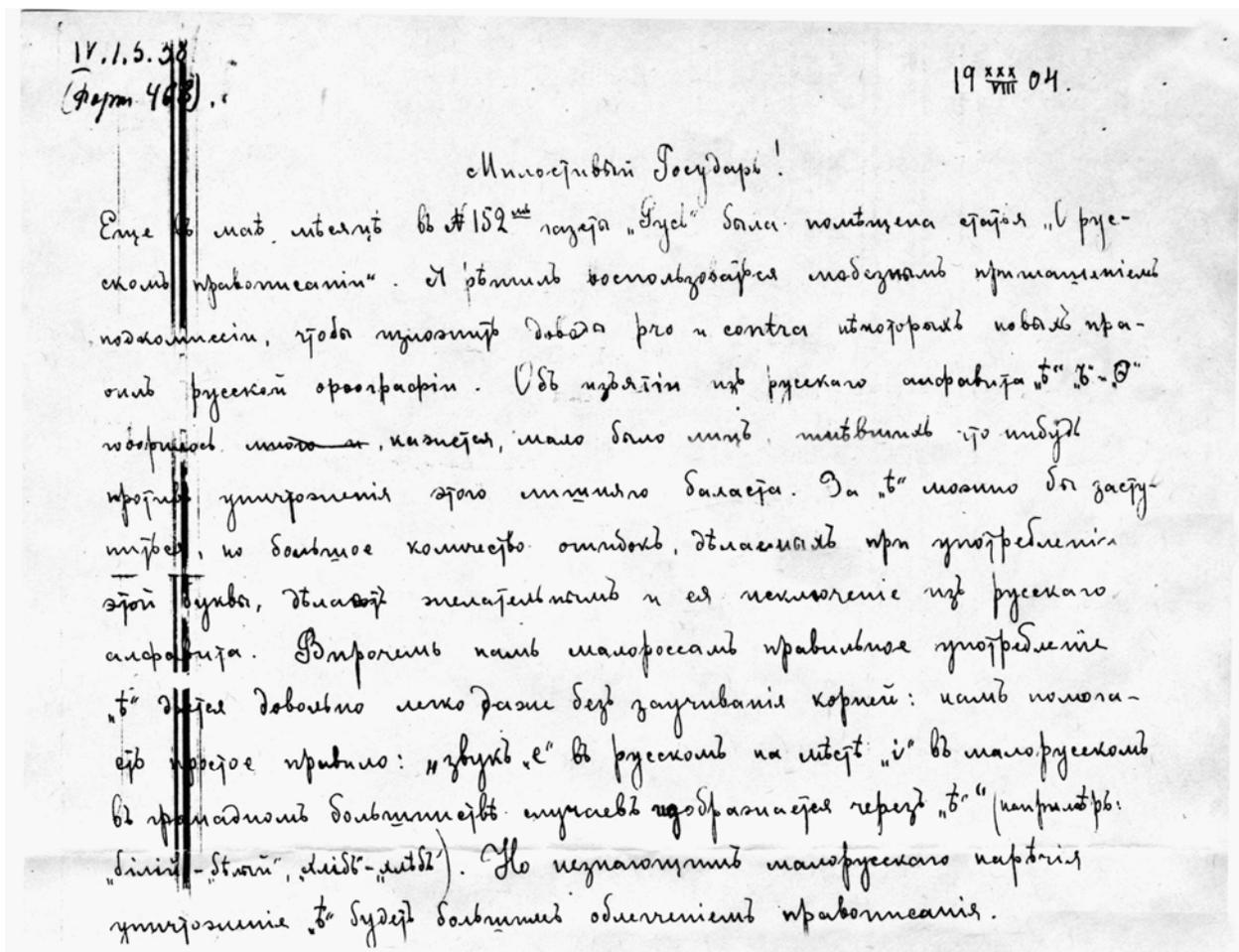
Точно так же, нет ничего яснее правила о правописании родит. падежа единственного числа прилагательных, оканчивающихся на *-ой*, так что нет необходимости оканчивать все прилагательные в родит. падеже единств. числа на *-ого* и соответственно с этим “после *ж, ш, щ, ч, ц*, писать *-его* в глаголах ударяемых, а после смягченных согласных и после отделительного *ь* всегда писать *-его* (*синего, овечьего*)”. Вместо одного простого и короткого правила будет другое более длинное и менее ясное. Это “упрощение” само напрашивается на малорусскую поговорку: *выменять шило на швайку*...

Оканчивать именит. и винит. падежи прилагательных на *-ый* и *-ий* не под ударением и на *-ой* под ударением, кажется, тоже ничего трудного не представляет. Откуда же явилась необходимость “писать *-ой* в неударяемых слогах (*доброй, сильной, новенькой* и т. д.) и соответственно с этим вместо *-ий* после смягченных гласных писать *-ей* (*свежей, зимней, лисей* и т. д.)?” Это что-то новое и для нас малороссов совсем неожиданное. Мы привыкли в своем родном наречии к окончаниям прилагательных *-ый* и *-ий* и литературном языке сохраняет это фонетическое начертание, что весьма удобно. Новое же правило лишит нас этого удобства. При том окончание *-ей* делает сходным именит. пад. мужского с родительным и дат. пад. женского. Это будет затруднять учащихся при этимологическом разборе, что, как и увеличение количества этимологических правил, не соответствует целям подкомиссии, старающейся облегчить изучение языка. Что же остается теперь в защиту этого правила? То, что жители псковских великорусских губерний оканчивают прилагательные на *-ой* и *-ей* (сомневаюсь, что бы все великороссы говорили *-ей* вместо *-ий*)? Но ведь изменять начертание слов, а для говорящих на других наречиях и произношение их (ведь малороссы, белоруссы и др., а также все иностранцы при изучении русского языка, надеюсь, читают, как написано?) только ради удобства жителей псковских губерний, но во вред всем остальным русским, право, незачем. Да при том таких изменений пришлось бы сделать гораздо больше. Например: окончание *-ева* вместо *-яго* (*синева* вм. *синяго*), окончания *-ава* вместо *-аго* (*бодрава* вм. *бодраго*), писать *-ево* вместо *-его* и т. д. Но ведь русский литературный язык и есть та золотая середина, которая более или менее понимаема всеми русскими. А если его приблизить больше к одному наречию, то оно будет непонятно для другого. К великорусскому же он и так стоит ближе всего. При том необходимо считаться с тем, что нынешний литературный язык создан Пушкиным, Тургеневым, Гоголем и

другими нашими классиками и представляет собой законченное художественное произведение. Что же выйдет из него, если начать его исправлять даже в начертании слов? Что сказал бы талантливый художник, если бы кто-нибудь начал исправлять отдельные мазки в его законченном произведении? Я не говорю, конечно, о “кляксах” в орфографии русского языка, каким представляют из себя ъ, ⊕, v, i (h все-таки немного жаль), которые только мешают изучению литературной речи, и других “мазках”, не имеющих никакого существенного значения для художественности языка (упрощения некоторых из них, сделанные подкомиссией, перечислены мною в начале письма). Избавить русский язык от таких мелочей, очистить картину от шероховатостей, кажущихся неуместными всем русским, от души желаю всем членам подкомиссии и Вам, ее председателю.

Ученик IV^{го} класса Харьковского Земледельческого училища
Виктор Гудзенко

Адрес: Ст. Дергачи К. Х. С. ж. дор.
Земледельческое Училище.

Публикация Т.М. Григорьевой